

УДК 821.161.1

«РОДИНА» И «ЧУЖБИНА» В РАССКАЗАХ РАВИЛЯ БУХАРАЕВА

© Ринат Бекметов

“A HOMELAND” AND “A FOREIGN LAND” IN THE STORIES OF RAVIL BUKHARAEV

Rinat Bekmetov

One of the key issues of Ravil Bukharaev’s creative work is the problem of his perception of “a homeland” and “a foreign land”. The article gives an overview of this interesting and promising topic. The author’s cycle “To the Other Side” was selected as the object of our research for the issues, related to the spiritual and psychological well-being of the person in one’s “homeland” and in “a foreign land”, are presented here in the most concentrated form. In the works of R. Bukharaev, “a foreign land” has a predominantly territorial, geographical dimension, and this concept is presented by such countries as the United States and the Czech Republic. The author is interested not so much in the social way of life, as in the natural and natural-spatial characteristics of “a foreign land”. It is through these spatial descriptions that R. Bukharaev discovers the depth of people’s rootedness in cosmo-natural tempo-rhythms; hence, for example, in the US, the hero is fascinated by the life of the provincial hinterland, which is not directly connected with the activities of the government and state institutions. Thus, skyscrapers, these man-made creatures, become a variety of high mountains in his poetic imagery. In our opinion, the very fact of such close attention to space manifests the depth of the traditional Turkic worldview. According to R. Bukharaev, “a homeland” is both a native space in all the uniqueness of its flora and an immense “kingdom” of the past, primarily one’s childhood and adolescence, the time associated with the gentle and saving “peace of ignorance”. The Biblical-Koranic “paradise” is an immutable figurative symbolic element, underlying the similar interpretation of “a homeland”, which is lost, but regained by the power of inexhaustible individual memory, although evoking a feeling of tearful anguish and nostalgia. In addition, for R. Bukharaev, “a homeland” is a synonym for the connection of generations.

Keywords: Ravil Bukharaev, stories, “A Homeland”, “A Foreign Land”, text, interpretation.

Одной из ключевых проблем творчества Равиля Бухараева является проблема восприятия его героем «Родины» и «Чужбины». В предлагаемой статье дается обзорное рассмотрение этой интересной и перспективной темы. В качестве объекта исследования был выбран цикл «На ту сторону», в котором вопросы, связанные с духовно-психологическим самочувствием человека на «Родине» и «Чужбине», представлены в наиболее концентрированном виде. «Чужбина» в произведениях Р. Бухараева имеет по преимуществу территориальное, географическое измерение, и в ее роли выступают такие страны, как США и Чехия. Автора при этом занимает не столько социальный уклад жизни, сколько естественные, природно-пространственные характеристики «Чужбины». Именно через пространственные описания Р. Бухараев постигает глубину укорененности людей в космоприродные темпоритмы; отсюда, к примеру, в США героя увлекает жизнь провинциальной глубинки, не связанной напрямую с деятельностью правительства и государственных учреждений, а небоскребы, рукотворные создания, превращаются поэтическим воображением в «разновидности» высоких гор. В самом факте такого весьма пристального внимания к пространству, по нашему мнению, проявляются глубинные стороны традиционного тюркского мировоззрения. «Родина» у Р. Бухараева – и родной простор во всем своеобразии растительного мира, и необъятное «царство» прошлого, прежде всего детства и юности, времени, ассоциирующегося с нежным и спасительным «покоем неведения». Инвариантным образно-символическим элементом, лежащим в основе подобной трактовки «Родины», является библейско-коранический «Рай» – утраченный, но вновь обретаемый силой неисчерпаемой индивидуальной памяти, хотя и вызывающий чувство слезной тоски, ностальгии. Кроме того, «Родина» для Р. Бухараева – синоним связи поколений.

Ключевые слова: Равиль Бухараев, рассказы, «Родина», «Чужбина», текст, интерпретация.

Художественная проза Р. Бухараева – это сочетание философской глубины повествования с тонким лирическим настроением. Одной из тем этой прозы является тема «Родины» и «Чужби-

ны» в их особом соотношении. Чтобы раскрыть ее в деталях, обратимся к рассказам Р. Бухараева из цикла «На ту сторону» [Бухараев, с. 311–317].

Этот цикл состоит из нескольких рассказов, связанных между собой комплексом ностальгических чувств. Герой в них стремится соединить различные пространства (удаленные друг от друга континенты), а также увидеть время в сложном переплетении прошлого и настоящего, без которого, как известно, нет человека – мыслящего и оценивающего субъекта. «Родина» и «Чужбина» трактуются автором двояко: и как вполне реальный локус земли в неповторимости, своеобразии ландшафта, и как форма памяти, когда «Чужбина» открывает новый путь к осмыслению «Родины», а «Родина» становится точкой пересечения внутреннего мира в плавном и нераздельном движении, от далекого, вчерашнего дня с его хронотопическими мотивами к дню сегодняшнему.

Начнем с «Чужбины», поскольку первый рассказ цикла – «Маленькие птицы Милуоки» (2000) – посвящен именно ей.

Внешней содержательной гранью этого текста является образ американской глубинки, в которой автор оказался по воле судьбы. Америка его удивляет и восхищает; причины таких необычных эмоций лежат в простоте и незамысловатости провинциального образа жизни, его вписанности в ритмы Природы, которая поражает своим могучим величием – отнюдь не подавляющим человека, как может показаться, а, напротив, раскрывающим в нем то лучшее, что дремлет в тайниках сознания, ожидая благоприятного момента. Примечателен переход в описании от «асфальта» к «траве» – от «цивилизации» к «природе», от «искусственности», «рукотворности» к «естественности» и «Богом определенной данности»:

Выбираясь из джипа, который прокатил нас по городу <...>, я сначала попал ногой на вездесущий асфальт, но уже через минуту встал обеими ногами на поросшую кроткой гусиной травкой почву полого приозерного косогора [Там же, с. 311].

Озеро Мичиган представляется громадным и – «чистым, как родственная любовь» [Там же] (ср. параллель из лермонтовского «Героя нашего времени» об утреннем горном воздухе: «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка» [Лермонтов, с. 235]), так что можно бросить на его дно мелкую монетку, загадав счастье. Небеса, нависающие над землей, живут обособленной, полнокровной жизнью, в которой нет места денежному расчету, ассоциирующемуся с небоскребами («колоссальными, прямоугольными, круглыми и

конусовидными» [Бухараев, с. 311]) – всемирными центрами торговых отношений. Да и они, эти мощные, гигантские здания-«фаллосы», при определенных обстоятельствах («славная ли солнечная погода тому виною») превращаются в подобие «божественных гор и скал» [Там же, с. 312]. Взгляд автора совсем не уникален, его разделяет озерная чайка, парящая над «прозрачной водой и успешно борющаяся с ветром», который постоянно относит ее [Там же].

Перед нами, стоит подумать, достаточно интересная особенность бухараевского мировосприятия: видеть Америку как пространственный объект, пренебрегая структурой ее местных социальных связей, точнее, отодвигая на задний план то, что, казалось бы, лежит на поверхности и ощущается многими, кто когда-либо въезжал в эту страну и воплощал затем собранные наблюдения на страницах литературных сочинений (русская традиция от «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова, «Города желтого дьявола» М. Горького, «Моего открытия Америки» В. Маяковского до современных путевых заметок в «Живом журнале» богата на фиксацию общественной жизни Америки с разными оценочными суждениями в зависимости от конкретных идеологических убеждений авторов). Есть основания полагать, что первоочередное конструирование природно-пространственной модели чужого края (что я вижу сначала, когда попадаю в другое государство) выражает глубинные тюркские коды бухараевского мышления, остающиеся в неизменности, несмотря на русскую языковую культуру, в недрах которой писатель создавал свои тексты. Тюркский взгляд на вещи, о чем убедительно рассуждал Н. Трубецкой, всегда носит пространственный характер, он предпочитает обозревать мир вширь, а не вглубь, охватывает предметы и понятия схематически, в целом [Трубецкой, с. 147]. Древние тюрки – кочевники, создатели степных империй; им важно было соединять необъятные просторы множественными, разновекторными линиями движений, не дать этим просторам распасться на части (суверенные сегменты), перенести идейные или технические достижения из одной окраины в иную; тюркские глаза зорко следили за далью (небом, землей, воздухом-ветром), а уклад чужого государства, его автохтонную специфику, требовавшую избирательно-дробного всматривания и изучения, постигали лишь тогда, когда она, эта специфика, входила в орбиту их внимания, несла какую-то практическую пользу. (Показательно, что природно-пространственный аспект видения чужой реальности обнаруживается в произведениях М. Усманова, видного татарского историка XX века.

Так, в его ранней повести о Туве заметно доминируют пейзажные зарисовки, а ритм повествования тяготеет к «кинематографической» убыстренности [Усманов]. В новеллах М. Валеевой, писательницы-анималиста, о современной американской провинции, несмотря на существенный интерес к основам социальной жизни, превалирует пространственный охват мира, подсознательно отраженный, кстати, в выборе названия одного из сборников [Валеева]).

Р. Бухараев отдает предпочтение размеренному способу жизни в Америке, укорененному не только в природные ритмы, но и в культурную традицию. Оказавшись на ферме «*супружеской четы из старонемецкой общины анабаптистов Амиш*», герой указывает на то, что они молоды и не современны: муж и жена словно вышли из предшествующего века; живут, как все в общине:

<...> по <...> строгим библейским правилам, <...> занимаясь сельским трудом на просторных полях и принципиально не пользуясь электричеством, телевидением и прочими лукавыми новинками мира [Бухараев, с. 313].

Это пасторальная картинка, реальная в той же мере, в какой автор желает сохранить ее в первозданной нетронутости («и я отвел глаза, чтобы по нечаянности не взглянуть этой неиспорченной многим знанием любви»). Именно такая Америка – тихая, трудолюбивая, пуританская, упорная в достижении поставленной благой цели – привлекательна для автора, искренно любима им:

Я полюбил Америку, где люди стараются держаться подальше от своего правительства и живут *нужной им самим жизнью* в полях, лесах и рощах [Там же] (курсив мой. – Р. Б.).

В рассказе «Происходящее, или натюрморт с осенними георгинами и морковью» (1997) эта добрая укорененность в мир природы определяет жизнь героя у себя, на «Родине». Говоря о том, что священный долг всякого человека, по давней сентенции, посадить дерево, родить и воспитать ребенка, написать книгу, автор поясняет, что из-за несовершенства бытия последние две задачи не всегда осуществимы, но что касается первой, то она реализуема в полной мере, и – самое главное – радость от простейшего действия глубока и устойчива.

<...> вот дерево я точно посадил. Руками, помню, <...> втыкал в сырую землю живой черенок – тополевою ветку, заранее пустившую в пол-литровой банке крохотные белесые корешки. Помню, как принялась

эта ветка, и зазеленела, и потянулась ввысь подле стоящей на выложенных из силикатного кирпича опорах деревянной, кругом застекленной и обсаженной между тем также и кустами сирени веранды <...> [Там же, с. 342].

Симптоматично, что на «Родине» автор фиксирует вторжение в гармонический, умиротворенный лад природы и человека «деструктивных» сил, выкорчевывающих, по текущему прагматизму, посаженный с любовью тополь, разламывающих «дом моей жизни» – веранду и белые стены: «за ненужностью» [Там же, с. 346]. Зла на них автор не держит, ибо память – более объемный и надежный механизм противодействия внешней энтропии. Важнее другое – стойкое ощущение того, что органический мир (яблоневый и вишневый сад, садовый домик, помидорные грядки, осень и весна в циклических сменах), в котором прошло детство автора, и есть «неуловимая, настоящая и подлинная жизнь» [Там же, с. 347]. Ее основоположным качеством является «обещание радости» [Там же], происходящее от Бога, Его милосердия. По сути, Р. Бухараев актуализирует образ Эдема, лишеного искушений (хотя в библейско-коранической версии это не так), того места, где начинается праведная вера в онтологическую справедливость мироустройства (этот образ-мотив в бухараевской прозе част и дан уже в дебютном лирическом цикле – «Яблоко, привязанное к ветке», 1977). Наличие божественного порядка, по Р. Бухараеву, залог того, что ни одна мысль, ни одно воспоминание (а все это – возвращенный сад отдельной человеческой души) не останутся незамеченными; они вознаграждаются в грядущее время, которое и нужно ждать со смирением в сердце:

<...> ни одно обещанье не дается Тобою всуе, и все, что требуется для новых ожиданий будущего – это смиренное мужество духа, вовеки не утрачивается ничто из воистину посаженного и, с Божьей помощью, трудно возвращенного тобою [Бухараев, с. 350].

Такого рода размышления соотносятся с мусульманской концепцией, согласно которой жизнь человека на земле – не столько бесконечное «страдание», на чем настаивают буддизм и христианство, сколько «испытание»; если человек пройдет его достойно, то Всевышний воздаст ему в новом мире по меркам высшей справедливости.

В качестве природы «Родина» острее всего воспринимается, когда бухараевский герой живет на «Чужбине».

В рассказе «Каштан у Карлова моста» (2001) Соня спрашивает Виктора Михайловича («мужика, наверно, и неплохого, хотя и несколько самоуверенного»), скучает ли он, живущий бо-былем в Израиле, по России. Виктор Михайлович в своем ответе четко разделяет «Родину» как царство друзей и природы и «Родину» как общественно-государственный строй, они не совпадают. Последнее понимание «Родины» ему не ненавистно, а, как он утверждает, «портит настроение» (эта черта многих персонажей Р. Бухараева: отсутствие какой-либо злобы в душе, они просты и деликатны). Вот развернутое и довольно знаковое осмысление того, что есть «Родина» для человека, оказавшегося за границей:

Знаете вот, в первые годы в Иерусалиме был у меня пентхауз. Оттуда, с верхотуры, видать было далеко – чуть не до самого Мертвого моря. Знакомые – евреи, арабы, – как приходили, ахали: какой, видишь, пейзаж! какая перспектива! А мне что было до них, до выжженных холмов этих? Тоска смертельная! Я взял и засадил на террасе весь этот вид всякой растительностью в кадках: и как-то легче стало. Теперь живу в новом квартале на втором этаже: откроешь окно – сосны [Там же, с. 402–403].

О Чехии, куда Виктор Михайлович приехал по рабочим делам, сказано афористичнее, с глубоко спрятанной грустью: «на Россию похоже, однако без хамства и сам себе хозяин» [Там же, с. 403].

Рашид, герой рассказа «Секретный ландыш» (2001), бывший работник московского НИИ, трудится в Англии от зари до зари, содержит вместе с супругой дорогостоящий петерсфилдский дом. Будучи человеком сентиментальным, он нередко среди сутолоки бешено-ритмичного дня вспоминает родной край, и образ его становится своеобразной отдушиной. Он дан, как всегда у Р. Бухараева, не в абстрактной и неопределенной целостности, а в утонченном поэтизированном переживании безвозвратно ушедшего времени. «Родина» здесь – феноменологическая единица, метафизический «кристалл памяти», редуцированный до конкретного цветка – живого символа нежности, чистоты, первозданности, того, что ассоциативно связано с детством и юностью, эпохами, полными любви и сокровенных надежд (с другой стороны, цветок в бухараевских произведениях еще и яркая эмблема силы, духовной и физической мощи, способности сопротивляться «тьме», об этом – рассказ «Камчужный цветок», 2002).

Господи, как мечталось ему найти этот ландыш (героя-школьника выводят в городской парк на уро-

ках физкультуры. – Р. Б.) и тем выделиться из толпы одноклассников, чтобы и она вдруг увидела его с этим стебельком, унизанным крупными, снежно-свежими, душистыми колокольчиками <...> [Там же, с. 409].

Положение усугубляется тем обстоятельством, что та, оставшаяся в прошлом девочка, которую он полюбил, и нынешняя женщина, его супруга, – уже различные, не похожие друг на друга люди, и «она его не понимала» (фраза референном проходит через весь текст рассказа). Ту девочку, овеянную лирическим чувством просыпающейся любви, не вернуть, она осталась в прошлом, на «Родине», где смысл любви сводился не к тому, чтобы тебя поняли (эта позиция слишком эгоистична), а к тому, чтобы ты постарался понять того, кого полюбил; нынешняя, рядом живущая женщина – другая: меркантильная, прагматичная, холодная, приземленная, и не случайно в конце рассказа она показана в действии, которое при иных условиях не имело бы семиотической окраски, но в новых – имеет:

<...> уже доставала из морозилки очередную заледеневшую пиццу для разогрева на ужин [Там же, с. 415].

Мир далекой морской английской «Чужбины», рисовавшийся в пылком воображении столь недостижимым идеалом, на поверку оказался «скучным» и «обыденным», а «Родина», казавшаяся невыносимым местом обитания, стала «утраченным раем», и дело не только в том, что герой преодолел границы в территориальном значении слова. Дело в том, что время, по Р. Бухараеву, разрушительно меняет человека, и опыт мужества жить среди бесконечных изменений и завоеваний материального мира не проходит даром; вместе с этим опытом рвется важнейшая составляющая человека – его душа в наборе основополагающих констант; возникает то, что автор именуется «совестным разладом»: когда ты меняешься, но жаждешь возврата в Эдем, на «Родину» своего духа, в мир детства и красоты, и с ясностью осознаешь, что это невозможно; кроме того, с тобой нет по-настоящему близкого человека, который сумел бы разделить и смягчить это вдруг народившееся посреди суеты и забот ощущение. В финале рассказа герой видит сон, в котором все символично:

<...> вот он выпрыгивает из поезда на каком-то смутно знакомом, зимнем, в снежных сугробах полустанке, и по пояс проваливается в белый, пушистый, веющий ярой чистотой и ослепительной, ядерной свежестью пахнущий снег, и, проснувшись, понял, что плачет [Там же, с. 414–415].

«Поезд» – мчащаяся на всех парах жизнь, «пахнущий снег» – чистота души и тела, «полустанок» – рай детства, а он у Р. Бухараева избражается, как правило, в подробностях, через зрительные, слуховые и обонятельные образы.

Многозначителен рассказ «Касанье нелюбви» (1997), в котором художественно оформленное воспоминание дополняется документальными справками из жизни прошлых лет. Автор ясно видит родную Казань – и в ее малоэтажных предместьях, и в благородной университетской части. Недалеко от столицы – «множество лесных озер», «сосновый бор», ведущий к заветному озеру, в котором герой занимался «подводной охотой». С удовольствием передается всплеск воды о лодку, звук преломившегося шеста при ловле щуки, «неподвижно висевшей <...> над курчаво-золотистым дном», запах «крепкого чая» в кружке, которую держит дед (чай, «пахнущий <...> терпким дымом закатного костра», ср.: «потом пили чай из закопченного жестяного чайника, вприкуску с колотым сахаром, и из горячей кружки струился парок, пахнущий чистыми степными травками – чебрецом и мятой») [Там же, с. 324–336]. Все эти описания служат целью продемонстрировать единство бухараевского рода, естественную поколенческую связь; природа выступает общим знаменателем для нее, гарантом традиционной, пусть неприхотливо обустроенной жизни, без потрясений и надрывов. Связь поколений осуществляется и через сказку «про падчерицу и блуждающий сад», которую рассказывает в степи близкий родственник, и через общий деревянный дом с крыжовником, сиренью и вишней, к ветке которой бабушка Латифа подвязала черной ниткой яблоко, чтобы не казалось, будто осень бесплодна. Р. Бухараев называет подобное состояние «покоем неведения» [Там же, с. 325], полагая, что после бурь послереволюционной эпохи в России оно дорогого стоит. Тем не менее это состояние уходит, потому что «покой неведения», каким бы ни был он «самоорганизованным», требует сильного труда; без труда сад не плодоносит, и о грушевом дереве, благоуханно росшем на «Родине», приходится неожиданно вспоминать на «Чужбине», видя, как оно тихо произрастает в Лондоне, возле Ахмадийской мечети, чьим прихожанином являлся автор.

В конечном счете, «Родина» в рассказах Р. Бухараева – объект ностальгии; она осталась в «сумеречном» прошлом, среди напластований хлопотливых, стремительно бегущих дней. «Чужбина» же включает знаки, заставляющие обратиться к «Родине», напоминая о сущностно-сокровенном в человеке. И то, и другое – соединяемые и взаимно перетекаемые величины, благодаря чему «вселенная» в эпическом наследии писателя выглядит в качестве целостной, резонирующей системы. Р. Бухараев – гражданин большого мира, но не забывает он и о малом, его взрастившем крае, как оторвавшийся и летящий по ветру древесный лист, обладай он способностью думать и понимать свое положение, знает о питавших его некогда крепких корнях...

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00056.

Список литературы

- Бухараев Р. Р. Белый минарет: роман-путешествие, рассказы, эссе. Казань: Магариф, 2006. 431 с.
- Валеева М. Д. Брожу по миру и наблюдаю. Казань: Татарское книжное издательство, 2012. 325 с.
- Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 томах. Т. IV. М.: Правда, 1975. 365 с.
- Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с.
- Усманов М. А. В стране гор и долин (путевые заметки о Туве и тувинцах) / пер. с тат. Р. Ф. Бекметова, 2018 (в рукописи).

References

- Bukharaev, R. R. (2006). *Belyi minaret: roman-puteshestvie, rasskazy, esse* [A White Minaret: A Travel Novel, Short Stories, and Essays]. 431 p. Kazan', Magarif. (In Russian)
- Lermontov, M. Iu. (1975). *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [Collected Works: In Four Volumes]. T. IV, 365 p. Moscow, Pravda. (In Russian)
- Trubetskoi, N. S. (2000). *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's Legacy]. 560 p. Moscow, Agraf. (In Russian)
- Usmanov, M. A. (2018). *V strane gor i dolin (putevye zametki o Tuve i tuvintsakh)* [In the Country of Mountains and Valleys (Travel Notes on Tuva and Tuvans)]. Per. s tat. R. F. Bekmetova, (v rukopisi). (In Russian)
- Valeeva, M. D. (2012). *Brozhu po miru i nabliudaiu* [I Walk the World and Watch]. 325 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

The article was submitted on 10.07.2018
Поступила в редакцию 10.07.2018

Бекметов Ринат Ферганович,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru